

ЭМИЛИ
ГРИН

*Женщина, которая
умела упаковывать
чужую боль в слова,
так и не сказала
главного о себе*

Залоговок ДЛЯ ЕЕ СМЕРТИ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН

18+

Эмили Грин

Заголовок для ее смерти

<https://litres.ru/74075511>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если бы я писала заголовок для своей смерти, он звучал бы так: женщина, которая умела упаковывать чужую боль в слова, так и не сказала главного о себе

Меня зовут Тина. Мне тридцать восемь. Я журналист. У меня двое взрослых дочерей, муж, один мёртвый ребёнок и шкаф, забитый скелетами. Я думала, что привыкла ко всему. Но есть одна вещь, к которой я не привыкла до сих пор. Воспоминание о мужчине. Он появился, когда я уже не ждала. Он пытался меня спасти.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Эмили Грин

Заголовок для ее смерти

Пролог

Смерть не приходит внезапно. Бог просто ждал, пока я перестану бороться.

Признаться, смерть всегда ходила вокруг меня. Я чувствовала её дыхание за плечом, когда отчим замахивался ножом; я слышала её шёпот в родильном зале, когда мне отдавали мёртвого сына — такого маленького, тихого, что я даже не успела придумать ему имя. Она не торопилась. Она знала, что я сама приду к ней, уставшая и обессиленная, и тихо скажу: «Забирай».

Я всегда знала, что умру не от старости. Такие, как я, не доживают до седых волос. Мы слишком громко смеёмся, слишком сильно любим и слишком долго сражаемся — даже когда уже давно можно было опустить руки. В шестнадцать я представляла свои похороны: как мама плачет и говорит всем, почему я не пришла к ней, когда мне было плохо. Вот только... я приходила. Но она была занята своей жизнью. Как отчим делает вид, что ему жаль. Юношеская глупость. Желание быть увиденной хотя бы в гробу.

В свои тридцать восемь я написала сотни статей. О чужих

жизнях, чужих трагедиях, чужих разводах. Я умела упаковывать чужую боль в красивые предложения, расставлять запятые в чужих слезах, и каждый раз, видя своё имя в подписи, я удивлялась: «Неужели это написала я? Наверное, у редактора было плохое зрение». Синдром самозванца не лечится даже дипломами.

Помню, как в семнадцать я решила поступать в школу искусств. Я уже работала в театре, писала сценарии. Я знала, как строится кадр, как свет падает на лицо актёра. Но внутри всё кричало: «Это не твоё. Ты просто притворяешься. Кто ты вообще такая?» Я бросила. В восемнадцать я родила и вернулась в маленький город, даже не попытавшись. Я сказала себе: «Всё правильно, так и должно быть». И улыбнулась, чтобы никто не заметил, как я плачу по ночам.

Моя жизнь — это акты отчаяния, которые я называла любовью. Но самое нелепое во всей этой истории — я всё-таки влюбилась. По-настоящему. Так, как показывают в старых французских фильмах, где герои смотрят друг на друга, и кажется, что время останавливается. Это случилось, когда мне было уже за тридцать. Я была замужем, у меня были дети, я давно не верила в сказки. И вдруг — он. Человек, который смотрел на меня так, будто я не сломанная, а целая. Будто он видел ту девочку, которой я была до того, как меня разбили. Я не знаю, заметил ли он тогда, как у меня дрожали руки. Я улыбалась и говорила о работе, а внутри всё кричало: «Только не потеряй голову». И он чувствовал то же самое. Я знаю.

Он пытался меня спасти. Увести из ада, в котором я жила. И я хотела. Боже, как я хотела пойти за ним!

Но я осталась.

Я осталась, потому что боялась ошибиться. Потому что девочки смотрели на меня и ждали, что я буду сильной. Они хотели своего папу. Разве я могла лишиться их того, чего не было у меня? Я думала, что не заслуживаю такого счастья. Что оно — для других. Для тех, кому Бог даёт лёгкие испытания. А мне — нет.

И теперь, я знаю, что та встреча была моим единственным шансом. Моим заголовком для жизни. Но я его пропустила. И это была не любовь, которую я предала. Это была я. Я предала себя. Потому что не поверила, что могу быть счастливой. Мама всегда говорила: «Бог даёт ровно столько, сколько ты сможешь вынести». Но почему-то я всегда получала двойную порцию, пока другие шли по жизни легко, без потерь, без финансовых крахов, без мужчин, которые обещают любовь, а дарят синяки.

Завтра я не умру. Завтра я встану, покрашу губы красной помадой, надену свой любимый чёрный пиджак и пойду в редакцию писать статью о поп-звезде, которая снова разводится. Я буду цитировать её слова, делать вид, что мне не всё равно, и улыбаться коллегам. Они скажут: «Какая же ты сильная, как ты всё тянешь?» А я улыбнусь в ответ. Потому что никто не должен знать, что внутри меня давно ничего не тянет.

И знаете, что самое смешное? Никто бы не удивился моей смерти, потому что я всегда была сильной. Просто никто не знал, что сильнее всего я была именно в тот день, когда не пошла за ним. Что это был не подвиг, а самая большая трусость в моей жизни. Я не боялась умереть. Я боялась начать жить заново.

Сейчас я почти не чувствую боли. Только усталость. Такая глубокая, что кажется — она шла ко мне всю жизнь. Я хочу только одного: чтобы мои девочки никогда не узнали, как я жила на самом деле. Чтобы они помнили меня улыбающейся, красивой, сильной. Пусть думают, что я была счастлива, даже с их отцом. Это единственное, что я ещё могу им подарить. Ведь я правда старалась подарить им счастливое детство — то, которого не было у меня.

Глава 1

Будучи подростком, я слишком любила романтизировать свое будущее. Я клялась себе, что не буду такой, как отчим, и не стану холодной, как мать. Не то чтобы она была плохой — я её безумно люблю, и она часто выручала меня в тяжёлые моменты. Но я боялась ей рассказывать о самом главном. А когда выросла и обзавелась своими детьми, поняла одну простую истину: как же я ошибалась в своих убеждениях.

Я не всегда была такой грустной. Спросите любого в нашем маленьком городке, где все друг друга знают, — каждый скажет как один:

— Тина? О, она была самой весёлой и харизматичной девочкой!

Да, я никогда не показывала свою грусть другим. Я была душой компании, шутницей и хохотушкой. Потому что, честно говоря, я просто не знала, что такое плакать при людях.

Но был день, когда всё изменилось. Мне было семь лет. Я только пошла в школу и потеряла дедушку.

Дедушка работал на заводе. Смены были длинные, он возвращался домой, пахнувший металлом и машинным маслом. Моя мама до сих пор вздрагивает от запаха солярки, а для меня это пахло безопасностью. Когда за год до моего рождения они потеряли бабушку — это подкосило его и маму.

Он был прекрасным человеком. По крайней мере, я так его запомнила. Мама много раз пыталась очернить его имя, боялась, что я полюблю его больше, чем её. А я правда любила его больше всех на свете. Он был единственным, кто меня защищал, не обижал и баловал, как любимую внучку.

Я помню его руки — большие, тёплые, с мозолями и въевшейся грязью под ногтями. Он чинил старый мотоцикл в гараже и каждое воскресенье катал меня по городу. Я сидела на баке, ветер бил в лицо, и я кричала от восторга, а он смеялся и говорил: «Держись крепче, Тинка!»

Однажды я решила помочь ему с ремонтом. Ну, как помочь — я нашла банку с машинным маслом и вылила её на пол в гараже. Целиком. Я хотела сделать «лужу для мотоцикла», как мне показалось. Пол стал скользким, как каток. Дедушка вошёл, поскользнулся, еле удержался на ногах, потом посмотрел на меня, на лужу, вздохнул и сказал:

— Ну что, Тинка, теперь мы с тобой неделю будем ходить на цыпочках.

И он ходил. Неделю. Поскальзывался, но ни разу меня не наругал. Он просто взял тряпку, вытер всё и сказал:

— В следующий раз давай сначала спросим, хорошо? — Ни крика, ни ремня. С ним я знала — за ошибку не бьют. Но я забыла этот урок слишком быстро.

Однажды я изрисовала в цветочек его старый телевизор маминым лаком для ногтей. Я думала, что теперь у дедушки будет самый красивый телевизор в мире. Он вечером хотел

включить новости, но увидел моё художество и посмотрел на экран, потом на меня, улыбнулся и сказал:

— Ну что ж, твоей маме предстоит много работы!

И он смотрел новости через мой красный лак несколько дней, пока мама не оттерла его. Он просто любил меня. Безусловно. Иногда он приносил мне шоколадку, спрятанную в кармане куртки, и строго шептал: «Только маме не говори, а то она скажет, что я тебя балую». Я зажимала рот ладошкой, чтобы не засмеяться и кивала, чувствуя себя в сговоре. Он был для меня всем: папой, мамой и бабушкой в одном лице.

А потом его не стало. Рак лёгких. Заводская пыль, говорили врачи. Он уходил долго и тяжело, но мама даже не сказала мне. Я поняла сама, когда в съемном доме появилось много незнакомых людей, а в моей комнате на телевизоре стояла фотография дедушки с чёрной лентой. В тот день я впервые в жизни рыдала громко, в подушку, чтобы никто не слышал.

Вы спросите:

— Тина, где же был твой отец?

А я и сама не знаю! Знаю, из рассказов мамы, что он бросил меня потому что я была с голубыми глазами и светлыми волосами. Ведь они с мамой были кареглазыми и с брюнетками. Вот такой вот генный конфуз случился. Я до сих пор не знаю, правда это или нет. Но дедушка любил меня за те же глаза и волосы. Он говорил: «Ты — моя копия, Тинка. Только лучше! Жаль, бабушка тебя не увидела»

Через несколько месяцев мама привела в дом Рика.

Я увидела его в дверях — высокий, улыбочивый, с цепким взглядом. И внутри что-то ёкнуло. Как в фильме ужасов, когда ты знаешь, что должно случиться что-то страшное, но продолжаешь смотреть, и в итоге пугаешься до дрожи. Он меня пугал с первой секунды, хотя сам улыбался и гладил меня по голове.

Первый месяц Рик был идеальным. Он дарил маме цветы, помогал по дому, играл со мной. Я почти поверила, что ошиблась. А потом он напился в первый раз. Я запомнила этот день навсегда. Его глаза стали дикими, он кричал на маму так, что стёкла дрожали. Она пыталась успокоить его, а он оттолкнул её, и она упала на пол. Я стояла в углу и не могла пошевелиться, потому что внутри всё окаменело.

Тогда я не знала слова «манипулятор». Но если бы это слово было человеком, им был бы Рик.

Он бил маму каждый раз, когда она кричала на него из-за его пьянок. А потом падал на колени, плакал и говорил:

— Мэри, солнышко! Я больше так не буду! Ты же знаешь, как я тебя люблю! Ты не можешь меня бросить!

— Рик, я устала от твоих запоев! Ты пьёшь по четыре дня!
— кричала она в ответ, растирая слёзы по щекам. — Я хочу уйти от тебя!

— Я больше не буду пить я обещаю я же так тебя люблю,
— всхлипывал он, глядя на неё преданными глазами.

И она верила. Каждый раз. Потому что он умел врать так убедительно, что даже я начинала думать: «А вдруг он прав-

да изменится?» Только потом я поняла — его слёзы были чистой манипуляцией. Это враньё и недоверие будут преследовать меня всю жизнь.

У Рика было одно достоинство — золотые руки. Он мог из любой деревяшки сотворить тумбочку, а из квартиры с минимальным бюджетом — хоромы. Он сделал ремонт в нашем доме от и до, а потом все десять лет попрекал этим маму. И каждый раз, когда я спрашивала:

— Мама, почему мы не уйдём от него? Он же ужасный!

Она отвечала холодно, словно уже всё забыла:

— Тина, ну он же не самый плохой. Зато у него золотые руки!

Сколько раз я слышала это, когда она замазывала тональным кремом синяки после того, как он душил её или бил по лицу. Она прощала. Всегда прощала. А я смотрела и училась прощать. И это стало моей главной ошибкой.

Когда мне было четырнадцать, у меня появился младший брат Сэм. С его рождением ненависть Рика ко мне выросла в два раза. Сэм был его золотым мальчиком — он покупал ему всё самое лучшее, баловал, водил в парк. За счёт маминой зарплаты, естественно, потому что Рик не работал уже пять лет.

— Я в поисках лучшей вакансии, — говорил он, когда мама просила его устроиться на работу. — Мэри, я не могу работать непонятно кем!

— Рик, хотя бы найди что-нибудь! Я не могу одна тащить

всю семью. Я не меняла джинсы уже пять лет! — кричала она.

— И что ты предлагаешь? Грузчиком?

— А что в этом постыдного? Нам надо кормить детей!

Дальше следовал банальный, но пугающий сценарий. Глаза Рика наливались кровью, он начинал орать, хлопал дверью и уходил в запой. Возвращался поздно, пьяный в стельку, и мама снова плакала, раздевала его, укладывала в кровать, потому что сам он уже не мог стоять на ногах.

Однажды я собиралась гулять. Была жаркая, солнечная погода — редкость для нашего городка. Я вышла из комнаты, а Рик сидел за моим ноутбуком. Он заглянул на мою страницу в социальной сети и увидел статус семейного положения: «В активном поиске».

— Тина! Быстро сюда! — заорал он так, что я подпрыгнула.

— Что случилось? — выбежала с кухни мама.

— Ты видела, что у неё на странице? — Рик развернул ноутбук к маме. — «В активном поиске»?! Ты шлюха, что ли, чтобы активно кого-то себе искать?

— Я я просто не знала, что это — начала я, но он перебил.

Я не была трусихой, но вы бы видели его глаза. Мне показалось, что сейчас у него пойдёт пена изо рта. Я знала: любое моё слово закончится одним — он ударит меня, не щадя.

— Только шлюхи ставят такие статусы! — орал он, брызгая слюной. — Ты позоришь меня и свою мать! Все будут

думать, что ты ноги раздвигаешь!

— Рик, прекрати! — попыталась вмешаться мама. — Что ты такое говоришь?!

Но на этом всё. Она могла сказать пару слов, но в словесную перепалку не лезла. Рик пользовался этим. Он пользовался и тем, что меня некому защитить. Я была идеальной подушкой для битья, для снятия стресса, для издевательств, когда ему становилось скучно.

Я начала плакать. Я не могла остановиться, хотя знала, что слёзы только разозлят его ещё сильнее.

— Ты хочешь плакать?! — заорал он, подходя ко мне. — Сейчас я тебе покажу, когда надо плакать!

Он снял ремень, он всегда висел у него под рукой. Я помню его запах — кожа, пот и дешёвый одеколон. Помню, как он сложил его вдвое и замахнулся. Первый удар пришёлся по бедру. Я закричала. Второй — по спине. Я упала на колени и закрыла голову руками. Третий, четвёртый, пятый — я сбилась со счёта. Я только слышала свист ремня и чувствовала, как кожа горит огнём. Мама стояла в дверях. Она молчала. Она просто смотрела, как он бьёт меня, и молчала.

Пятнадцать ударов. За статус в социальной сети. За то, что я посмела быть «в активном поиске». За то, что я вообще существовала. После того дня я перестала плакать при нём. Я научилась замыкаться. Я поняла, что слёзы — это слабость, а слабость он ненавидит больше всего. Я стала улыбаться. Всем. Всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.